

В шесть пятьдесят утра будильник на прикроватной тумбочке залился пронзительным трезвоном. Сы Юэ натянул одеяло на самую голову, но, вспомнив, что сегодня у него пары, мгновенно сбросил с себя остатки сна.

Он сел на кровати, поджав под себя ноги, и пустым взглядом уставился в окно. В комнате было гораздо теплее, чем снаружи, и стекла покрылись густым слоем белого конденсата.

За окном, словно тончайшая белая кисея, с небес струилась мелкая водяная пыль — моросил дождь.

Сы Юэ пошевелился и почувствовал, как порция слизи, залитая в него прошлой ночью, слегка вытекла. Залившись краской и слегка раздражаясь, он переполз к краю кровати и шлепнул по кнопке будильника. В спальне снова воцарилась тишина.

За дверью раздался стук, и голос дяди Чэня позвал:

— Молодой господин А-Юэ, пора вставать. Завтрак подан.

— Иду! — отозвался Сы Юэ.

В ванной зашумела вода. Горячий пар мгновенно заполнил кабинку, окутав стройную фигуру юноши.

Сы Юэ вычистил только излишки. Помня вчерашние наставления Бай Цзяня, в этот раз он действовал куда осторожнее. С учетом первого опыта, вторая попытка прошла гораздо легче и быстрее.

Эта слизь играла роль защитного слоя для кожи тритонов. В природе у многих животных есть подобные выделения, которые крайне сложно смыть обычной водой.

Спускаясь по лестнице, он всё еще ощущал легкий дискомфорт — тонкий слой слизи всё равно остался внутри, обволакивая стенки.

— А ты разве не к девяти на работу? — Сы Юэ замер у подножия лестницы, удивленно уставившись на Бай Цзяня, сидящего за столом.

Тот был в домашней одежде, волосы небрежно рассыпались по плечам, а на носу сидели скромные очки в черной оправе. В таком виде его аура казалась еще более сдержанной и мягкой.

Бай Цзянь придвинул к Сы Юэ тарелку с горячей кашей:

— Погода сегодня скверная, так что я решил поработать из дома.

Бай Лу, уплетающий краба прямо руками, поддакнул:

— И я никуда не пойду!

Сы Юэ, которому как раз нужно было переться в университет, подавился словами: «...»

Погода в Цинбэе славилась своей непредсказуемой мерзопакостностью. Сейчас был конец марта: когда светило солнце, казалось, что на дворе разгар лета, но стоило пойти дождю — и город мгновенно отбрасывало в лютую январскую стужу.

Глядя на весело потрескивающие поленья в разожженном камине, Сы Юэ понял, что шансы вытащить Бай Цзяня на улицу в такую дрянную погоду стремятся к нулю.

Он лениво помешивал кашу ложкой. Риса в ней почти не было: ее долго варили на мясном пюре до густой, тягучей консистенции. Вместе с хрустящими закусками она была просто восхитительна.

— Я отвезу тебя, — Бай Цзянь положил ложку и поднялся из-за стола ровно в тот момент, когда Сы Юэ закончил завтракать.

Принимая пальто из рук дяди Чэня, Сы Юэ пробормотал:

— А тебе не кажется, что это слишком невыгодно?

Бай Цзянь посмотрел на него. У Сы Юэ в запасе всегда находилась куча странных логических цепочек, чтобы обосновать, почему что-то «невыгодно».

— Даже Сы Цзяньюань редко отвозил меня в школу. Потому что для таких людей, как вы, тратить время на развозку детей — это жуткое расточительство. За эти два-три часа ты бы мог кучу денег заработать! — Сы Юэ говорил абсолютно серьезно. В доме полно водителей, зачем Бай Цзяню повсюду таскаться за ним?

Прямо как его слизь — такой же прилипчивый!

Правда, сказать это вслух Сы Юэ не отважился. Подумал только про себя.

Пусть Бай Цзянь и выглядит мягким и покладистым, на самом деле у него куча строгих правил. А уж в том самом плане он и вовсе деспот. Нет, Сы Юэ его не боялся, просто пока он физически не мог с ним тягаться, так что нарываться было себе дороже.

Вот превратится в тритона — тогда и посмотрит, кто кого! Отыграется по полной!

Бай Цзянь аккуратно поправил завернувшийся воротник на рубашке Сы Юэ, застегнул пуговицы, затянул ремень на пальто и с улыбкой посмотрел ему в глаза:

— Мне моих денег уже достаточно.

Сы Юэ фыркнул:

— Настоящий бизнесмен так не скажет.

Бай Цзянь со смешком взъерошил его мягкие волосы:

— И кто только вбил тебе в голову эти глупости?

Сы Юэ нагнулся к обувной полке, колеблясь между кроссовками и кедами. В этот момент из-за его спины вынырнула изящная рука с длинными пальцами и забрала спортивные кроссовки, стоявшие рядом с кедами.

Бай Цзянь поставил их перед ним:

— В кампусе наверняка много луж. В парусиновых кедах ты промокнешь.

Сы Юэ пошевелил пальцами ног:

— А шлепанцы можно?

«...»

Бай Цзянь промолчал, просто глядя на него ровным, спокойным взглядом.

Сы Юэ нервно сглотнул, скинул тапочки и послушно влез в кроссовки, которые выбрал Бай Цзянь.

Дядя Чэнь вручил Сы Юэ зонт, а второй раскрыл и передал Бай Цзяню, после чего негромко доложил:

— Профессор Фань Си прибудет к двум часам дня.

Бай Цзянь ответил коротким «угу» и кивнул Сы Юэ:

— Идем.

Сы Юэ нырнул под зонт Бай Цзяня и на ходу начал запихивать свой в рюкзак.

— Зачем к тебе придет Фань Си? — спросил он, замедляя шаг.

— Обсудить сотрудничество, — в глазах Бай Цзяня мелькнула трудноуловимая улыбка. — Деньги нужно зарабатывать вместе.

«...» Сы Юэ ему ни на грамм не поверил. Только что же заливал, что денег ему достаточно!

— Если сомневаешься, почему бы не спросить прямо? — поддразнил его Бай Цзянь.

Садовые цветы, истерзанные ночным ливнем, требовали серьезного ухода. Вьющиеся растения сиротливо жались к стенам, а дождевая вода с журчанием бежала по стокам в канализацию.

Мелкая морось не падала отвесно, ее несло боковым ветром. Незаметно для себя Сы Юэ замочил плечо.

Бай Цзянь притянул его к себе, закрывая ладонью от ветра, и неспешно ответил:

— Фань Си не из тех, кто действует наобум. Седьмой институт — место концентрации лучших научных умов Цинбэя. Все их проекты абсолютно легальны, одобрены сверху, и они имеют полные права на их проведение. Их стандарты безопасности строго соответствуют государственным регламентам.

Пальцы Сы Юэ слегка онемели от холода:

— Хочешь сказать, к ним не подкопаться?

— На данный момент — да.

Даже общаясь с девятнадцатилетним человеческим мальчишкой, Бай Цзянь не пытался раздувать собственную значимость или влияние своей семьи. Он честно признавал, что не является всемогущим.

Седьмой институт не зря носил звание главного среди всех семи. Ежегодно они получали больше всего одобренных грантов и вели самые приоритетные проекты. К тому же, только им доверяли засекреченные правительственные исследования, к которым не допускали рядовых ученых.

Это вам не Третий или Пятый институты, которые годами маялись дурью: то пытались научить робот-пылесос прыгать, то изобретали сковородку, которая сама переворачивает яичницу.

— И что тогда делать? — Сы Юэ широко распахнул глаза. — Это же проблема!

Если к ним не придраться, то даже заподозрив неладное, вмешаться не выйдет. У них на руках все бумажки, все разрешения. С юридической точки зрения они чисты как слеза младенца.

Водитель уже подогнал машину к воротам.

Бай Цзянь посадил Сы Юэ на пассажирское сиденье. Держа зонт над головой, он с теплой, спокойной улыбкой сказал:

— А-Юэ. Если в итоге выяснится, что их разработки не несут глобальной угрозы ни людям, ни тритонам, я просто отойду в сторону.

В мире полно темных углов. Бай Цзянь не мог — да и не обязан был — вычищать каждый из них. Это просто невозможно.

Сы Юэ прекрасно его понял. Защелкивая ремень безопасности, он кивнул:

— Понял, понял. В таком случае донос напишу я.

Бай Цзянь рассмеялся и захлопнул дверь.

Когда они подъезжали к кампусу, улицы кишели студентами с зонтами. Движение встало намертво.

— Высади меня у ворот, не суйся к учебным корпусам, — сказал Сы Юэ. — Пешком быстрее дойду.

С этими словами он отстегнул ремень.

Щелк.

Бай Цзянь заблокировал пассажирскую дверь.

Сы Юэ толкнул ручку, но дверь не поддавалась. Он возмущенно обернулся:

— Ты чего?

Влажные губы тритона накрыли его губы. Сы Юэ вжался спиной в стекло, судорожно вцепившись пальцами в обивку сиденья, его ресницы испуганно затрепетали.

— Там же люди кругом... — пискнул он.

Барабанная дробь дождя по крыше, смех и болтовня проходящих мимо студентов, хлюпанье шагов по лужам... Сы Юэ проклинал свой обострившийся слух: если бы он захотел, то смог бы слышать даже шелест падающих капель.

Бай Цзянь обхватил его лицо, возвращая в прежнее положение:

— Они ничего не увидят.

В автопарке семьи Бай не было машин с прозрачными стеклами, если только это не кабриолет. Да и в такой туман и дождь никто не станет вглядываться в припаркованный у ворот черный седан.

Сы Юэ целовался так себе и постоянно пытался сползти вниз по сиденью.

Когда он сполз в первый раз, Бай Цзянь мягко вернул его на место. Когда он попытался сделать это во второй раз, терпение тритона лопнуло — и он просто откинул спинку кресла назад.

Кончик языка тритона скользнул по его нёбу, задев язычок. Сы Юэ потрясенно распахнул глаза и попытался вырваться, но его запястья были жестко прижаты, а подбородок приподнят, лишая всякой возможности сопротивляться.

До звонка оставалось двадцать минут. Гул улицы ни на секунду не стихал.

Сы Юэ, вжавшись в откинутое кресло и судорожно сжимая в кулаках собственную куртку, сверлил Бай Цзяня настороженным, затравленным взглядом. В его глазах стояли слезы. Он с трудом сглотнул.

Бай Цзянь поправил очки, посмотрел на его покрасневшее лицо и нежно ущипнул за мягкую щеку:

— Испугался?

Сы Юэ то ли кивнул, то ли помотал головой:

— Вот стану тритоном — точно так же тебя зацелую!

Бай Цзянь на секунду опешил, а потом рассмеялся:

— Договорились.

Сы Юэ опустил голову, кое-как завязал пояс пальто уродливым бантом и схватил рюкзак:

— Я на пары. Моя машина всё еще на парковке, так что вечером меня забирать не надо. Мы с Чэн Цзюэ поедем оформляться в Третий институт.

Сы Юэ чувствовал себя жутко занятым деловым человеком с расписанным по минутам графиком. А Бай Цзянь — словно преданная женушка, преданно ждущая дома ласки муженька.

При этой мысли все излишне наглые выходки Бай Цзяня сразу перестали казаться такими уж возмутительными. Ладно уж, так и быть, побалуует его.

Бай Цзянь с улыбкой смотрел вслед удаляющемуся в пелене дождя Сы Юэ.

Тем временем Чэн Цзюэ сидел за партой и нервно тряс ногой, параллельно бормоча под нос текст из учебника.

Сы Юэ стряхнул зонт, поставил его в угол и подошел к своему месту. Увидев напряженного до предела друга, он бросил рюкзак и небрежно спросил:

— Что стряслось?

— Сегодня летучка по анатомии! Если наберешь меньше восьмидесяти баллов — автоматом лишаешься допуска к экзамену и идешь на пересдачу!

Сы Юэ замер с книгой в руках:

— Это что за летучка такая? Это ж досрочный экзамен какой-то!

— Вот-вот! — простонал Чэн Цзюэ, в ужасе глядя на свои исписанные конспекты. Голова у него уже шла кругом. Заметив олимпийское спокойствие друга, он поразился: — А тебе что, вообще не страшно?!

Сы Юэ абсолютно серьезно кивнул:

— Страшно. Страшно, что ручка посреди теста перестанет писать.

«...»

О летучке никто заранее не предупреждал. Староста прознал об этом от соседней группы и

экстренно скинул инфу в чат.

До звонка оставалось десять минут. Десять минут, чтобы выучить сто страниц текста!

Чэн Цзюэ в отчаянии стукнул себя по лбу:

— Походу, моего IQ на это не хватит!

Видя его страдания, Сы Юэ сжалился и пододвинул ему свой учебник:

— На, учи по моим выделенным местам.

— А какая разница? — Чэн Цзюэ схватился за волосы. — У нас что, препода разные?

Сы Юэ невозмутимо протянул:

— Разница в том, что мне выделял Бай Цзянь.

«...»

Чэн Цзюэ сделал один глубокий вдох. Второй. Третий. А потом сгрэб Сы Юэ в медвежьи объятия:

— Малыш... ты даже не представляешь, как я сейчас расплачусь от счастья!

Бай Цзянь в свое время тоже изучал клиническую медицину тритонов. Видимо, он решил, что рассчитывать на других бессмысленно, а раз уж живешь вечно и умирать не собираешься, надо чем-то занять мозги. Вот и дозанимался от бакалавра до постдока.

Неудивительно, что перед ним все трепетали и кланялись как перед божеством. Бай Цзянь действительно был гением из другой лиги.

Он разметил в учебнике Сы Юэ самое важное от корки до корки. Конечно, реальные болезни — что у людей, что у тритонов — не выбирают «важные темы», но препода на экзаменах любят бить именно по ним. Вопрос лишь в том, захотят ли они сказать студентам, что именно будет в тесте.

У Сы Юэ были блестящие мозги: в старшей школе он за год вытащил себя из самых низов рейтинга и поступил в Цинбэй. Но там, где можно было не напрягаться, он ленился по-черному. Зачем думать, если можно не думать? Сы Юэ был прирожденным баловнем судьбы.

В аудиторию, цокая каблуками, вошла преподавательница. Она с размаху бросила на кафедру пачку бланков и начала раздавать их по рядам, параллельно чеканя:

— Все книги убрать! Телефоны сдать! Не переговариваться! Время на тест — сорок пять минут, после этого продолжаем лекцию!

Раз на тест давали сорок пять минут, значит, он не мог быть запредельно сложным. К тому же они первокурсники и отучились всего месяц.

Сы Юэ подписал листок и пробежался глазами по вопросам: пятьдесят тестов, пять на заполнение пропусков и всё остальное — развернутые ответы.

Преподавательница явно рассчитывала, что студенты будут строчить ответы не думая, как пулемет. Стоит хоть на секунду зависнуть — и времени не хватит. К тому же некоторые вопросы были сформулированы так коварно, словно их придумали исключительно для того, чтобы завалить.

Сы Юэ закончил ровно со звонком. Едва он отложил ручку, как по ушам ударила трель звонка.

У тритонов слух был гиперчувствительным. Сы Юэ, находившийся в процессе трансформации, еще не реагировал так остро, а вот остальных тритонов в аудитории, сосредоточенно корпящих над листами, этот резкий звук заставил подскочить на месте.

Преподавательница велела первым партам собрать листы. Те, кто не успел, могли оставить бланки себе на память.

Услышав это, многие в панике сдавали полупустые работы.

Сы Юэ и Чэн Цзюэ сидели на последнем ряду, так что к ним подошли в самую последнюю очередь. Чэн Цзюэ с квадратными глазами строчил как бешеный принтер.

Сы Юэ повернул голову и вдруг заметил, что у Чэн Цзюэ вылезли жаберные плавники. Нежно-зеленого цвета, сейчас они стояли торчком, вибрируя от напряжения.

«...»

Сы Юэ сначала опешил, а потом уткнулся лбом в парту, беззвучно трясясь от смеха.

Чэн Цзюэ было не до расспросов. Когда подошла девушка, собиравшая тесты, ему пришлось сдать лист, недописав последний ответ.

Девушка посмотрела на его уши и тактично кашлянула:

— Чэн Цзюэ, у тебя жабры вылезли.

И не только у него: у многих тритонов в аудитории от стресса прорвалась истинная форма. Для двадцатилетних тритонов, еще не научившихся идеальному контролю, такие выбросы при сильном волнении были нормой.

Чэн Цзюэ схватился за уши и в панике уставился на Сы Юэ:

— Твою мать, я даже не почувствовал!

Когда он немного успокоился и жабры исчезли, он смущенно спросил:

— Ты всё видел?

Сы Юэ подпер подбородок рукой и кивнул:

— Ага.

— Ужасно уродливые, да? — Чэн Цзюэ сплел пальцы в замок и понурил голову. — Зеленый цвет почти никому не нравится...

— Вовсе не уродливые, — вспомнив этот нежный оттенок водорослей, искренне ответил Сы Юэ.
— Свежие, чистые. Мне понравилось.

Чэн Цзюэ решил, что друг его просто утешает. Людям никогда не понять строгой цветовой иерархии в обществе тритонов.

— Слушай... — Чэн Цзюэ огляделся по сторонам, после чего пересел на стул через проход, оставив между ними пустое место. Под недоуменным взглядом Сы Юэ он выдал: — От тебя жутко несет тритоном. И не просто тритоном, а очень, очень свирепым самцом.

Сы Юэ даже позы не сменил. Он ожидал этого еще со вчерашнего вечера, когда Бай Лу шарахнулся от него как от прокаженного.

— И почему ты мне только сейчас об этом говоришь?

— Так я сначала зубрил как проклятый, потом тест писал! Мне не до запахов было! А сейчас расслабился — и у меня аж шерсть дыбом встала! — решив, что Сы Юэ ему не верит, он задрал рукав.

И правда.

Все волоски на руке стояли дыбом.

Сы Юэ окинул его руку взглядом:

— Ого, у тритонов есть волосы на руках? — он никогда раньше не обращал внимания на такие детали.

Чэн Цзюэ, ожидавший какого-то серьезного вопроса: «...»

— Конечно есть! Мы же наполовину люди! — с нажимом ответил он.

— Но, малыш, скажи честно... Откуда на тебе этот запах? — прошептал Чэн Цзюэ. — Это господин Бай Цзянь?

— Угу, — вдаваться в детали Сы Юэ не собирался.

— Господин Бай Цзянь такой пугающий, — вздохнул Чэн Цзюэ. И в этом не было ничего удивительного: каким бы мягким и интеллигентным ни казался Бай Цзянь, по своей природе он был высшим хищником, абсолютным авторитетом для всех тритонов. Запах лишен агрессии только у самых слабых и никчемных тритонов. Вроде него самого.

— Ладно, погнали после обеда в Третий институт, — Чэн Цзюэ выгреб из рюкзака горсть конфет и высыпал на парту перед Сы Юэ. — Угощайся.

Сы Юэ не любил сладкое.

Но всё равно сказал:

— Спасибо, — и развернул одну. Оказалась со вкусом сливы. Вкусно. Сладость была легкой, не приторной.

Завернув фантик обратно, он медленно произнес:

— Там, в институте... не говори никому, что я женат. И про Бай Цзяня ни слова.

В его резюме не было графы «семейное положение». Третий институт считался местом ссылки, куда отправляли доживать свой век старых, ненужных научных сотрудников. Они сидели в своей глуши и, возможно, даже не были в курсе свежих сплетен.

Да, их с Бай Цзянем свадьба прогремела на весь интернет, и в Цинбэе многие об этом знали. Но никто не станет целыми днями обсуждать чужую личную жизнь, да и хайп в сети давно утих.

Сы Юэ просто хотел быть незаметным стажером, не привлекающим лишнего внимания.

Чэн Цзюэ искренне не понимал:

— Но почему?! Мало того что ты отказался идти в Седьмой, так еще и свои связи прячешь?

Сы Юэ потер лицо:

— Я хочу добиться всего сам. Без помощи Бай Цзяня.

Говоря это, он сам почувствовал себя лицемером: ведь он уже давно вовсю пользовался его помощью.

Зато Чэн Цзюэ проникся к нему колоссальным уважением:

— Малыш, ты просто невероятный! Буду брать с тебя пример!

Сы Юэ закинул в рот еще одну конфету. Его уши предательски покраснели.

После обеда дождь прекратился.

Сы Юэ заглянул в кабинет куратора.

— Не ожидал, что старина Чжан работает так оперативно! Вчера ночью накатал отчет ректору, и сегодня утром приказ уже был подписан! — Мэн Синчжи развернул перед Сы Юэ документ с мокрыми печатями университета и деканата экономики. — Копии уже висят на досках объявлений обоих факультетов. Вот, сфоткай и отправь господину Бай Цзяню. Пусть видит: сказано — сделано!

Сы Юэ достал телефон и, щелкая документ, пробурчал:

— Бай Цзянь вообще ничего такого не просил.

— Ой, да ладно тебе, несносный мальчишка! — фыркнул Мэн Синчжи, расправляя лист. — С таким выражением лица, как у него вчера... да если б мы их не отчислили, он бы с нас живых не слез!

Сы Юэ натянуто улыбнулся:

— Вы могли бы попытаться отстоять их права.

Мэн Синчжи закатил глаза:

— Ага, и за каждое мое лишнее слово семья Бай срезала бы нам бюджет на сотню миллионов. Такую ответственность мы с Чжаном на себя брать не подписывались!

Услышав цифры, Сы Юэ присвистнул:

— Бай Цзянь каждый год столько отваливает Цинбэю?

— Господин Бай Цзянь очень ценит образование и заботится о младших поколениях! Иначе откуда бы в Цинбэе взялись такие роскошные условия? Особенно в нашем медицинском: у нас даже плитка в коридорах — сплошь брендовая! — Мэн Синчжи был моложе Цзян Юня и Цзян Юя, но по меркам тритонов-преподавателей считался совсем еще юным.

Этим двоим, У Яню и Лю Чжиэню, просто катастрофически не повезло. Конфликты между людьми и тритонами были всегда, это суровая реальность, и правило «ищи точки соприкосновения, сохраняя различия» — лучший способ выживания.

Но они умудрились облить грязью самого Бай Цзяня. Это услышал Сы Юэ. У Сы Юэ оказался скверный характер. А Бай Цзянь относился к Сы Юэ как к зенице ока.

Они сами сунули головы в гильотину и вручили веревку Бай Цзяню. А когда дело касалось Сы Юэ, Бай Цзянь превращался в абсолютно безжалостного палача.

— Их родители сегодня приезжали. Ревели тут в кабинете в три ручья, — Мэн Синчжи потер переносицу. — Требовали встречи с тобой, но я не пустил. Дело-то серьезное. Если инфа просочится в СМИ, нас обвинят в разжигании межвидовой ненависти. Потом отмываться устанем.

Сы Юэ сунул телефон в карман:

— Понимаю. Я никому не расскажу.

Мэн Синчжи расплылся в улыбке:

— Умный парень. Понятно, почему господин Бай так тебя любит.

Сы Юэ с подозрением покосился на него:

— Учитель, вы же преподаватель. Разве вам положено так говорить?

— А что такого? — Мэн Синчжи вытащил из ящика пачку семечек и впихнул ему в руки. — Преподаватель — не человек, что ли?

Репутация у Мэн Синчжи была безупречной. Ни один выпуск не уходил от него без слез.

Сы Юэ вышел из кабинета, рассыпывая по карманам кучу выданных куратором сладостей.

Едва он спустился по железной лестнице на пролет ниже, как наткнулся на знакомую фигуру.

Улыбка медленно сползла с лица Сы Юэ.

Цзян Шии затушил сигарету:

— Давай поговорим.

Он похудел. Черты его лица стали резче, жестче. Даже в его улыбке теперь сквозил неуютный холод. Он казался гораздо старше своих лет.

Всего за полмесяца Цзян Шии словно вычеркнул их дружбу из своей жизни, превратившись в совершенно чужого человека.

В любом дешевом сериале через десять минут они бы уже сидели в уютной кофейне и изливали друг другу души.

Но Сы Юэ ответил сухо и безжалостно:

— Нам не о чем говорить.

Цзян Шии молча пошел за ним следом.

Сы Юэ краем глаза заметил полы его пальто и кроссовки, шлепающие по лужам. Эти кроссовки он сам подарил ему на прошлый день рождения.

Сы Юэ остановился и развернулся:

— Что ты хотел сказать? Говори здесь.

Цзян Шии опешил. На его губах мелькнула горькая усмешка:

— Просто давно тебя не видел. Решил зайти. Однокурсники сказали, что ты у куратора, вот я и пришел.

Сы Юэ засунул руки в карманы и незаметно раскрыл в пальцах пачку снеков.

— Подрался с Чжоу Яньяном на днях? — спросил он, глядя на ссадины на лице Цзян Шии.

Цзян Шии перевел взгляд на синяк на щеке Сы Юэ:

— Ты ведь тоже подрался.

«...»

Сы Юэ:

— Моя драка — это другое.

У него раны были пустяковые, и Бай Цзянь еще вчера всё обработал.

Сы Юэ не собирался ходить вокруг да около. Он посмотрел Цзян Шию прямо в глаза, чеканя каждое слово:

— Если ты занят — мы тебе мешать не будем. Раз уж ты считаешь нас мусором, мы до твоего уровня дотянуться не пытаемся, Молодой Господин Цзян. Так что незачем было сюда приходить.

Сы Юэ часто называли прожигателем жизни, богатеньким сыночком и бездарностью. Но он никак не ожидал, что лучший друг назовет его «пиявкой».

Цзян Шию спокойно выслушал его, а потом саркастично усмехнулся:

— Сы Юэ, у тебя теперь в глазах один только Бай Цзянь, а на всех остальных тебе наплевать, да?

«?»

Сы Юэ нахмурился:

— При чем тут Бай Цзянь? Какое отношение он имеет к нашим с тобой разборкам?

— Не имеет? — Цзян Шию холодно усмехнулся. Сделав глубокий вдох, он вдруг шагнул вплотную к Сы Юэ. Он был чуть выше. Опустив взгляд на юношу, он спросил: — Ты говоришь, что я изменился. А сам-то? Когда у твоей семьи начались проблемы, почему ты нам ничего не сказал?! Подумаешь, три миллиарда! Я бы нашел выход! Но ты хотя бы раз подумал о том, чтобы обратиться ко мне?!

— И где бы ты взял три миллиарда? — Сы Юэ не отступил ни на миллиметр. — Три миллиарда — это только по самым скромным подсчетам. Реальные убытки были куда больше. Цзян Шию, прекрати молоть чушь, когда не знаешь ситуации.

Да и вообще, он ничего не потерял. Наоборот, сорвал куш в виде Бай Цзяня!

— Не хочу с тобой спорить, думай что хочешь, — Сы Юэ сделал шаг назад, смерил Цзян Шию долгим взглядом и добавил: — И насчет твоего проекта «М»... Выходи оттуда, пока не поздно. С ним что-то не так.

— Что с ним не так? — боль в глазах Цзян Шию мгновенно исчезла, уступив место ледяному отчуждению. — Это тебе Бай Цзянь сказал? И ты веришь каждому его слову?

Сы Юэ терпел, терпел, но всё же не выдержал.

Он со всего маху пнул Цзян Шию под колено:

— Бай Цзянь то, Бай Цзянь сё! Ты больной?! Зачем ты постоянно его приплетаешь?!

Цзян Шии даже не шелохнулся, лишь слегка нахмурился. Он слишком хорошо знал скверный характер Сы Юэ, вспыхивающего как спичка от любой искры.

— Ты выбрал его только потому, что он тритон? — Цзян Шии смотрел на Сы Юэ, а его сердце уже давно превратилось в труху. Если бы он только знал... Если бы он знал раньше!

Этот брак с Бай Цзянем — сто процентов фикция. Он просто не может быть настоящим.

Сы Юэ уже окончательно устал от этого разговора. Он небрежно бросил:

— Я выбрал его, потому что он богатый. Доволен?

«...»

Цзян Шии вымученно улыбнулся:

— Ты не такой.

— Какая тебе разница, какой я? Цзян Шии, я предупредил тебя только ради нашей старой дружбы. Твой выбор — это твои проблемы. Я свой долг выполнил.

Ему было противно смотреть на это каменное упрямство. Сказав всё, что хотел, он развернулся и ушел, не задерживаясь ни на секунду.

Брошенное ему в спину «Старой дружбы?» растворилось в холодном воздухе.

Четыре часа дня. Густой туман плотным саваном окутал Цинбэй. Дождь, впрочем, прекратился.

Цзян Юй постучал в дверь кабинета и вошел, положив на стол диктофон. Он нажал на кнопку воспроизведения.

— Ты выбрал его только потому, что он тритон?

— Я выбрал его, потому что он богатый. Доволен?

«...»

Цзян Юй неловко переминался с ноги на ногу:

— Эту запись кто-то анонимно скинул мне на рабочий аккаунт. Я проверил — голос точно принадлежит А-Юэ. Убедившись, сразу принес вам.

Бай Цзянь размашисто расписался в документе, закрыл папку и протянул ее Цзян Юю. Тот забрал ее обеими руками.

Бай Цзянь подпер подбородок рукой, легонько постукивая перьевой ручкой по черной столешнице. Его мягкий, теплый взгляд был скрыт в тени книжного шкафа. Долгое время он

молчал, а затем тихо рассмеялся:

— С кем это он разговаривает? Кажется, этот человек здорово его разозлил.

Цзян Юй подумал, что босс обращает внимание совсем не на то.

Бай Цзянь пересохранил аудиофайл на свой компьютер:

— Хоть слова и вырваны из контекста, я всё равно сохраню это. Когда А-Юэ вернется домой, дам ему послушать.

Цзян Юй: «...»

<http://bllate.org/book/14657/1301533>